

Анатолий Фёдорович Кони

Совещание о составлении

Устава о печати

Оригинал здесь -- <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/BIO/KONI/CENSORE.HTM>

Статья представляет собою текст ряда выступлений А. Ф. Кони на заседаниях Особого совещания при Комитете министров для пересмотра цензурного законодательства (на основании указа от 12 декабря 1904 г.). Выработанный на заседаниях Особого совещания проект нового Устава о печати не был, однако, проведен в жизнь, так как октябрьские события 1905 года вынудили царское правительство спешно утвердить Временные правила о печати, действовавшие до Февральской революции 1917 года. Текст печатается по второму тому "На жизненном пути" (СПб., 1912).

Разница между *явочным и концессионным порядком* возникновения новых периодических изданий состоит в сущности в том, что при втором из них издатель и редактор-издатель утверждаются министром внутренних дел по сведениям, доставленным и собранным главным управлением по делам печати. Но есть ли в таких сведениях гарантия по отношению к личности и деятельности этих лиц, достаточная для того, чтобы искупалось широкое применение усмотрения в разрешении того или другого повременного издания? Такое усмотрение, даже в том случае, когда оно не переходит в злоупотребление чувствами симпатии и антипатии к лицу или направлению просителя, могло бы основываться лишь на известного рода условиях ценза, неудовлетворение которым лишало бы предпринимателя издания права получить разрешение. Какие же могут быть условия этого ценза? *Образовательные*? Но образование есть лишь шлифовка и отделка приращенного ума и таланта, а ум и талант суть лишь оружие, очень важное само по себе, но могущее быть направленным на самые противоположные цели, указанные не только возвышенными, но и самыми низменными побуждениями. Ум и талант подобны ножу, который одинаково нужен и для мирной трапезы и для корыстного нападения. Умный и талантливый человек есть лишь человек хорошо вооруженный, и чем выше его образование, тем острее, и в некоторых случаях, опаснее его оружие. Поэтому образовательный ценз сам по себе, независимо от душевных свойств просителя и чувства нравственного долга, особых гарантий не представляет,

Гарантию же того, что издатель или редактор будет человеком нравственным и сознающим свой долг, найти, в большинстве случаев, невозможно. Нам говорят, будто статистика показывает, что процент преступлений, совершаемых образованными людьми, значительно ниже. Может быть, это и действительно так, но зато, если количество совершаемых так называемыми образованными людьми преступных деяний немного меньше, то качество этих деяний значительно хуже. В низших слоях общества мы чаще имеем дело с результатами бедности, малой культурности, отсутствием нравственно-религиозного руководства - с кражами, грабежами и насилиями, в высших же - с подлогами, шантажом, хитрыми мошенничествами и всякого рода хищениями. Именно тут-то и сказывается развитое у нас отсутствие чувства долга, гоньба за внешним блеском и за чувственными наслаждениями и, прикрываемое громкими фразами, бездушие по отношению к родине, к обществу и к отдельным его членам. В сущности, по результатам своих действий, иной шантажист не лучше обыкновенного грабителя, а директор банка или казначей благотворительного общества, допировавшийся или доигравшийся до кражи и гибели вверенных им сбережений и сумм, стоят сотни воров, вместе взятых.

Образование, и притом по большей части поверхностное, без твердых нравственных начал, особой гарантии добросовестности редактора не представляет. Светское общество состоит из образованных людей, но разве в нем не летают по всем направлениям крылатые сплетни и не ползет в тишине ядовитая клевета? Гарантии надо ждать от общего нравственного подъема. Если ограничиться требованием одного высшего образования, то придется до крайности ограничить область, из которой могут выходить издатели и редакторы-издатели. Вообще, окончание курса учебного заведения еще ничего не значит, ибо мы имели критиков, как Белинский и Полевой, тонких литературных ценителей и многолетних редакторов, как Дружинин, - такого поэта, как Лермонтов, и, наконец, такое украшение мировой литературы, составляющее бесспорную гордость и славу России, как Лев Толстой, которые не могли бы представить формального свидетельства о своем высоком образовательном цензе. Горячее чувство и искание правды, вдумчивое изучение и понимание высших потребностей человеческого духа - вот их образовательный